Права человека в Интернете*

ТАЛАПИНА Эльвира Владимировна, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доктор права (Франция)
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: igpran@igpran.ru

В статье исследуется эволюция прав человека в эпоху распространения цифровых технологий, в частности Интернета. В современный период без Интернета трудно реализовать свободу информации, что обостряет проблему отнесения доступа к Интернету к основным правам человека. Одновременно из права на защиту персональных данных отпочковываются совершенно новые права — право на забвение, право на цифровую смерть.

Автор задается целью обнаружить зависимость системы прав человека от технологического развития, для чего ставит задачу выявления изменений в существующих правах и обоснования возникновения новых прав человека, а также задачу прогнозирования путей развития цифровых прав.

На основе использования классических методов юридического исследования, сравнительно-правового метода выявляются общие тенденции развития системы прав человека в цифровую эпоху. Методы юридического толкования помогли при анализе текстов нормативных правовых актов и актов «мягкого права» выявить проблемные моменты и нюансы подходов различных государств и межгосударственных объединений к рассматриваемой проблематике.

Автор исследования приходит к признанию категории цифровых прав, которые при дальнейшем развитии технологий способны качественно трансформировать общественные отношения. При этом выделяются три стадии развития прав человека в Интернете: 1) Интернет как средство, как элемент известных прав человека (Интернет вплетен в права человека и является средством их реализации/нарушения); 2) Интернет как отражение известных прав человека (два режима прав человека — офлайн и онлайн); 3) Интернет как основа преобразования прав человека (возникают новые права и изменяются существующие). Обнаружив в системе прав человека давний конфликт публичного и частного права, автор делает вывод, что система прав человека 3.0 рискует унаследовать нерешенные проблемы классического права. Технология нейтральна, но ее применение и эффект зависят от реальных социально-политических процессов.

Ключевые слова: Интернет, права человека, цифровизация, персональные данные, информация.

Human Rights on the Internet

E. V. TALAPINA, leading research fellow of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, doctor of legal sciences, doctor of law (France)
10, Znamenka st., Moscow, Russia, 119019
E-mail: igpran@igpran.ru

The article focuses on the evolution of human rights in the age of the Internet and expansion of digital technologies. Nowadays without the Internet it is difficult to carry out freedom of information that aggravates a problem of the Internet access as a fundamental human right. At the same time from the right to protection of personal data absolutely new rights are born such as the right to be forgotten and the right to digital death.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ — грант 18-011-00406 «Права человека в эпоху Интернета: публично-правовой аспект».

The author aims to find out the human rights system dependence on technological development wherefore sets a task to identify changes in the existing rights and to explain the emergence of new human rights. The author also solves a problem of forecasting of further ways of digital rights development.

In the digital era based on using of classical methods of a legal research and a comparative law method, the general tendencies of the human rights system development come to light. In the analysis of legislative texts and “soft law” acts methods of legal interpretation have helped to reveal problem points and nuances of approaches of different states and interstate organisations in this subject.

Overall, the author gives the idea of recognition of the category of digital rights which at further development of technologies are capable to transform the social relations in a good manner. In addition, there are three stages of human rights development on the Internet: 1) the Internet considers as a tool, as an element of the basic human rights (the Internet is woven into human rights and its implementation/violation); 2) the Internet as reflection of the basic human rights (two modes of human rights – offline and online); 3) the Internet as a basis of human rights transformation (new rights arise, the existing ones change). Having discovered in the system of human rights the long-standing conflict between public and private law, the author draws a conclusion that the system of human rights 3.0 risks to inherit outstanding issues of the classical law. The technology is neutral but its application and effect depend on real socio-political processes.

Keywords: Internet, human rights, digitalisation, personal data, information.

DOI: 10.12737/art_2019_2_4

На первый взгляд Интернет ничего не изменил в системе прав человека. Для такого ответа достаточно взглянуть на классификаторы судебной практики Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) и оглавления учебников и монографий по теории прав человека. Ничего связанного с Интернетом, по крайней мере в заголовках, мы не находим. В то же время содержание прав человека в цифровую эпоху изменилось весьма существенно — благодаря цифровым технологиям Интернет проник не только в каждый дом, но и практически в каждое из известных прав человека. Еще на заре зарождения Интернета появилось два мнения о нем: Интернет сулит обществу безграничные возможности и свободу; общество может стать абсолютно контролируемым и манипулируемым из-за Интернета. Какое из мнений верное? Парадоксально, но оба.

В настоящей статье мы будем опираться преимущественно на европейский опыт, учитывая, что Россия является участницей Совета Европы и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция), которая весьма функциональна и

эффективно охраняется ЕСПЧ. Поскольку Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН, концептуально легла в основу европейской Конвенции, апеллирование к позициям и практике ООН тоже уместно.

Развитие системы прав человека в современный период происходит в весьма противоречивом поле. С одной стороны, имеется тенденция к универсализации прав человека, озвучиваются инициативы о создании Международного суда прав человека, с другой — усиливается тяга к суверенизации государств, отказу от признания компетенции ЕСПЧ и проч. Вызывает критику и нарастающее расширение состава прав человека.

Эволюция в системе прав человека: постановка проблемы. В целом для возникновения новых прав человека нет никаких препятствий, тем более что ЕСПЧ давно воспринимает Конвенцию как живой организм. Если право на частную жизнь со временем включило и право на недискриминацию ввиду сексуальной ориентации, то почему бы не возникнуть и цифровым правам?

От права на информацию — к праву на доступ к Интернету.

Статья 10 Конвенции предусматривает право на свободу выражения мнения (включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ), что трактуется в том числе как право на информацию. Напомним, что право на информацию не сразу завоевало свое место в системе прав человека¹. А теперь право на информацию реализуется по большей части посредством Интернета, как и многие другие права человека. Право на доступ к Интернету является ключевым для защиты других прав человека, имплицитно содержится в качестве одного из аспектов в каждом из остальных прав².

Для осуществления прав в Интернете необходим прежде всего доступ к нему. В юридическом контексте широкое распространение и невероятный пользовательский потенциал Интернета привели к постановке вопроса о возникновении нового права — права на доступ к Интернету, процесс оформления которого в различных правовых системах стартовал с начала 2000-х гг. При этом можно отметить как минимум три подхода.

Первый — путь законодательных изменений, а именно отнесение Интернета к универсальным и общедоступным услугам. Здесь пионером стала Эстония (Telecommunications Act от 9 февраля 2000 г., ст. 5)³. Этот

же способ использовала Финляндия⁴, а затем и Россия⁵. Согласно Испанскому акту о стабильной экономике от 4 марта 2011 г. (ст. 52) должна обеспечиваться универсальная услуга Интернета со скоростью 1 Мб в секунду⁶.

Некоторые государства избрали другой путь — конституционных изменений. В 2008 г. в Конституцию Греции внесена новая ст. 5а «Право на информацию», где государство приняло на себя обязанность по упрощению доступа к передаваемой посредством электрических сигналов информации, а также возможностей по ее созданию, обмену и распространению. Аналогичная установка — в Конституции Португалии (ст. 35 «Право на использование информационных технологий»: каждому гарантирован свободный доступ к общедоступным информационным сетям). Приведенные нормы расположены в конституционных разделах о правах человека, что позволяет сделать вывод о конституционном признании данными странами права на доступ к Интернету. Плюс такого подхода в том, что он позволяет учесть как конструкцию прав человека, так и соответствующие обязательства государства (по обеспечению доступности Интернета).

Третий путь — судебный. Во Франции Конституционный совет решением от 10 июня 2009 г. установил, что свобода выражений и коммуникаций включает и свободу до-

¹ См. решение ЕСПЧ по делу «Хендисайд против Великобритании» от 7 декабря 1976 г. (жалоба № 5493/72). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22%3A%225493/72%22%2C%22documentcollectionid%22%3A%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%2C%22itemid%22%3A%22001-57499%22%7D>.

² См.: Левова И., Шуклин Г., Винник Д. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика. М., 2013. С. 36.

³ URL: <http://merlin.obs.coe.int/iris/2000/5/article21.en.html>.

⁴ См.: Communications Market Act, 393/2003; декрет Министерства транспорта и коммуникаций Финляндии от 15 октября 2009 г. № 732/2009 «О минимальной скорости функционального интернет-доступа как универсальной услуги».

⁵ Имеется в виду отнесение услуг по передаче данных и доступу к Интернету к универсальным услугам связи (ст. 57 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»).

⁶ URL: http://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2011-4117.

ступа к Интернету⁷, т. е. интернет-доступ отнесен к основным правам человека. Еще более детальным является решение Конституционного суда Коста-Рики (по делу № 10627 от 18 июня 2010 г.), в котором доступ к Интернету признан необходимым инструментом для реализации основных прав человека, а на костариканский институт электроэнергетики налагается обязательство оказывать поддержку услуг электросвязи общего пользования, и в частности Интернета⁸.

Наконец, еще один важный канал правотворчества и влияния на национальные правовые системы — это акты международных организаций и межгосударственных объединений, в числе которых: доклад Европейского парламента от 25 февраля 2009 г. об усилении безопасности и фундаментальных свобод в Интернете, Рекомендация Комитета министров Совета Европы СМ/Рес(2014)6 «Руководство о правах человека для интернет-пользователей»⁹, Рекомендация Комитета министров Совета Европы СМ/Рес(2018)2 о роли и ответственности интернет-посредников¹⁰, Руководящие принципы Совета Европы по защите персональных данных в эпоху больших данных¹¹. ООН в докладе

от 16 мая 2011 г. признала право на доступ к Интернету неотъемлемым правом человека¹² (более широко: права человека, имеющиеся офлайн, признаны существующими онлайн). Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № A/RES/70/1 определена «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», где в рамках цели 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям» указывается: «Существенно расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям и стремиться к обеспечению всеобщего и недорогого доступа к Интернету в наименее развитых странах к 2020 году». Этими и многими другими документами и идеями руководствуются национальные законодатели и правоприменители.

В праве на доступ к Интернету часто выделяют два элемента, имеющие различное юридическое содержание: 1) право на подключение к Интернету, в рамках которого Интернет рассматривается в контексте услуги; 2) право на доступ к информации в Интернете, включая право не быть отключенным от Интернета, т. е. запрет на незаконную блокировку сайтов. Применительно к правам человека такое разделение представляется довольно условным, поскольку предоставление услуги по доступу к Интернету тесно связано с необходимостью доступа к информации посредством Интернета. В определенной мере этот разделительный подход использован в отчете ОБСЕ, согласно которому только 17 государств-участников (30,3%) подтвердили наличие конкретных правовых норм, касающихся права на доступ к Интернету. В государствах, давших утвердительный ответ, преобладают два подхода:

⁷ См.: Décision № 2009 — 580 DC du 10 juin 2009, Loi n 2009 — 669 du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la création sur internet. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriConst.do?oldAction=rechJuriConst&idTexte=CONSTEXT000020786688&fastReqId=1753287169&fastPos=1>.

⁸ См.: Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109—123.

⁹ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016804ccfa2.

¹⁰ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680790e37.

¹¹ URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806ebe7a>.

¹² URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf.

1) рассмотрение права на доступ к Интернету в контексте права на информацию и связь, которое гарантируется Конституцией (Кипр, Эстония, Грузия, Греция, Португалия, Россия, Украина);

2) закрепление права на доступ к Интернету в конкретном законодательстве, как правило, в рамках законов о телекоммуникациях (Албания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Черногория, Испания, Турция, Туркменистан)¹³.

Анализируя российскую правовую систему, обратим внимание на следующие особенности. Во-первых, цивилистическая доминанта в понимании услуги (в отличие от публичных услуг в Европе) определяет стойкий курс на регулирование услуг по предоставлению доступа к Интернету в рамках законодательства о связи и конструкции гражданско-правового договора, всецело зависящего от согласия и предпочтений сторон. Во-вторых, с точки зрения публичного права доступность Интернета рассматривается как элемент транспарентного государственного управления, что выражается в заботе о доступности публичной информации¹⁴. Интернет-права, связанные с частной жизнью человека, отходят на второй план.

В литературе приводится любопытный пример смещения (или даже столкновения) описанных частноправового и публично-правового подходов. Согласно действующему законодательству операторы

связи не могут размещать оборудование для подключения к Интернету без одобрения 2/3 жильцов многоквартирного дома. «На практике такая процедура ставит реализацию конституционного права на доступ к информации (статья 29 Конституции Российской Федерации) в зависимость от поведения других собственников и лиц, осуществляющих управление домом»¹⁵.

Сложившаяся практика блокировки сайтов демонстрирует, насколько тесно услуга по доступу к Интернету связана с реализацией права на информацию. Перед лицом террористической угрозы даже традиционные мировые демократии вынуждены были согласиться с возможностью административной блокировки сайтов. Например, во Франции Законом о чрезвычайном положении 2015 г. (принятым после терактов в ноябре того же года) МВД получило право блокировать сайт без обращения в суд, если есть подозрения, что он связан с терроризмом. Правда, этот административный механизм не был использован на практике, несмотря на то что террористы вряд ли бы его обжаловали.

Из позиции взаимосвязи доступа к информации и доступа к Интернету исходит и ЕСПЧ. Постановлением ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. по делу «Ахмет Йылдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10)¹⁶ было признано нарушение требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с тем, что заявитель лишился доступа к своему Интернет-сайту вследствие принятия мер в рамках производства по уголовному делу, которое не было связано с интернет-сайтом заявителя.

¹³ См.: Шатилина А. С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 38—45.

¹⁴ См., например, приказ Минкомсвязи России от 21 июля 2015 г. № 259 «Об утверждении Перечня сайтов информационно-телекоммуникационной сети Интернет, доступ к которым предоставляется оператором универсального обслуживания бесплатно».

¹⁵ Шатилина А. С. Указ. соч. С. 38—45.

¹⁶ URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:\[%223111/10%22\],%22documentcollectionid%22:\[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22\],%22itemid%22:\[%22001-115705%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22fulltext%22:[%223111/10%22],%22documentcollectionid%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-115705%22]}).

Собственно, конфликт между транспарентностью и безопасностью — традиционный, он существовал и до появления Интернета. Одним из способов его разрешения в рамках публичного права стала блокировка сайтов. Но и в рамках частного права реализация прав человека также может сталкиваться с интересами безопасности.

Вообще, после разоблачений Э. Сноудена взгляд на транспарентность поменялся и в Америке, и во всем мире. Традиционно право на защиту частной жизни рассматривалось американскими юристами как самое ценное право цивилизованного человека. Однако дело Сноудена показало, что Национальное агентство безопасности не так уж открыто и настроено на защиту частной жизни¹⁷. Более того, недавно Федеральная комиссия по связи США (FCC) поддержала инициативу, которая отменяет «сетевую нейтральность» Интернета. Это понятие было введено в 2010 г. администрацией бывшего американского президента Б. Обамы. «Сетевая нейтральность» означает принцип открытого Интернета, согласно которому провайдерам запрещено блокировать сайты или применять дискриминационные меры против любого интернет-трафика¹⁸. Если же принцип нейтральности отменяется, Интернет-провайдеры вправе затруднять пользователям доступ к определенным сетевым ресурсам. Компании также смогут блокировать не понравившиеся им сайты и повышать налоги для таких компаний, как Netflix и YouTube за доступ пользователей к их контенту. Интернет-провайдеры смогут брать дополнительную плату с видеохостингов и компаний, которые предоставляют

свой контент на основе потокового мультимедиа. Данная инициатива вызвала критику и даже судебные иски прокуроров 21 американского штата, поскольку отмена « сетевого нейтралитета » нарушает права потребителей на свободный доступ к Интернету и может привести к злоупотреблениям со стороны провайдеров¹⁹.

Как видим, аргументы за и против блокировки сайтов разнообразны и мотивируются соображениями как публичного, так и частного права. Но в любом случае за проблемами доступности сайтов скрывается информация, которую они содержат.

Возникает вопрос: можно ли в этих условиях считать доступ к Интернету новым правом человека? Есть мнение, что доступ к Интернету как услуга не является новым правом. Оно отчасти представлено позицией одного из основателей современного Интернета. В. Серф считает, что право на доступ к Интернету нельзя отнести к правам человека, поскольку технология не является такой же необходимой, как жизнь и телесная неприкосновенность, а Интернет — лишь средство достижения цели (получение информации для реализации свободы информации)²⁰. Такой же позиции придерживается и ряд российских исследователей, причисляя доступ к Интернету к гарантиям прав, а не к самим правам²¹. Отметим, что данные мнения были высказаны в 2012 г.

Действительно, поначалу отношение к Интернету было основано на его обеспечительной роли — Ин-

¹⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3624405>.

²⁰ См.: *Cerf V. G. Internet Access Is Not a Human Right* // *The New York Times*, 4 January 2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html>.

²¹ См.: *Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах* // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2012. № 4. С. 61—91.

¹⁷ См.: *Weaver R. Transparency, Privacy and the Snowden Affair* // *Transparency in the Open Government Era* / ed. by I. Bouhadana, W. Gilles, R. Weaver. Paris, 2015. P. 236.

¹⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3496532>.

должны обрабатываться добросовестно, в установленных целях и при наличии согласия заинтересованного лица или других правомерных оснований, предусмотренных законом. Каждый вправе получать доступ к собранным в отношении него данным и добиваться устранения в них ошибок).

Таким образом, в праве европейских государств право на защиту персональных данных оформилось в самостоятельное. Это обстоятельство находит отражение и в развитии соответствующего регулирования, например в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(99)5 о защите неприкосновенности частной жизни в Интернете²⁴. В Европейском Союзе 27 апреля 2016 г. принят Общий регламент по защите персональных данных 2016/679 (General Data Protection Regulation, GDPR)²⁵, который введен в действие 25 мая 2018 г. Принята также Директива о защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами для целей предупреждения, расследования, раскрытия или преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, а также о свободном движении таких данных и об отмене Рамочного решения Совета 2008/977/JHA²⁶. Основная цель — стандартизация обработки персональных данных, ко-

торая является целевой и должна оперативно учитывать интересы обладателя данных.

Если автоматическая обработка данных до появления Интернета породила право человека на защиту персональных данных, то в эпоху Интернета это право существенно разветвляется. Из права на защиту персональных данных «отпочковалось» право на забвение, которое наделяет физических лиц правом требовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной информации о таком физическом лице. Согласно европейским документам основу права быть забытым составляют права субъекта персональных данных — право требовать исправления или уничтожения данных, которые обрабатываются с нарушением базовых принципов, и право на отзыв своего согласия на обработку данных²⁷. Право быть забытым не действует в случаях, когда обработка персональных данных необходима: 1) для осуществления права на свободу выражения и информации; 2) для выполнения требований закона; 3) в общественных интересах в сфере здравоохранения; 4) в общественных интересах или для научных, статистических и иных подобных целей; 5) для целей судопроизводства.

В России право на забвение закреплено законодательством²⁸. Удалению подлежит информация персонального характера, которая

²⁴ URL: <http://www.refworld.org/pdfid/3dde380a4.pdf>.

²⁵ URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679&from=EN>.

²⁶ Directive 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data by Competent Authorities for the Purposes of the Prevention, Investigation, Detection or Prosecution of Criminal Offences or the Execution of Criminal Penalties, and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Council Framework Decision 2008/977/JHA // OJ L 119, 4.5.2016, p. 89—131.

²⁷ См.: Войничанис Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление // Правоведение. 2016. № 3. С. 74.

²⁸ См. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации, является недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Согласно французскому Закону о цифровой республике (государстве) 2016 г. появилось право на цифровую смерть — право лица после кончины на соблюдение поставщиками онлайн-услуг или доверенными лицами его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной онлайн. Кроме того, Законом установлен принцип свободного распоряжения собственными персональными данными. Этот принцип сопровождается несколькими конкретными мерами, в их числе конфиденциальность электронных сообщений. Электронные письма и другие службы электронного сообщения будут такими же конфиденциальными, как почтовое письмо, кроме случаев, когда потребитель дал свое согласие на статистические автоматизированные обработки или на обработку данных в целях улучшения услуг, которые ему оказаны. Это согласие должно будет регулярно возобновляться.

На этом фоне Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты в Facebook²⁹. Право на защиту персональных данных из отростка права на частную жизнь превращается в дерево с богатой кроной. Возможно, это связано с тем, что именно в этой сфере массово фиксируются нарушения. Вообще, нарушение многих основных прав человека только «облег-

чается» посредством Интернета, но в этой сфере особенно — например, таргетированная реклама (на основе автоматического прочтения роботом даже личной переписки), обработка персональных данных соцсетями, использование персональных данных государством без согласия владельцев. Есть мнение, что технологические особенности Интернета нарушают и даже разрушают естественную структуру коммуникации, которая является отражением архитектоники бытия человека как экзистенции. Тотальность данных о человеке, которые хранятся в сети, по сути, эквивалентна тотальной слежке и имеет много общего с «паноптикумом» И. Бентама³⁰.

Добавим, что тенденция к усилению государственного вмешательства в регламентацию оборота персональных данных «уравновешивается» в европейских странах контролем независимого органа по защите персональных данных; этот постулат остается незыблемым и в судебной практике. Так, еще до массовых террористических атак во Франции Европейский суд справедливости указал, что требования всеобщего интереса в области борьбы с терроризмом могут потребовать применения новых техник расследования, в том числе того, что государство в превентивных целях может обязать хранить определенные, в том числе персональные, данные. Но при этом должен обеспечиваться контроль независимого органа по защите персональных данных³¹.

Права человека в цифровом мире. Казалось, что в мире, где продолжают незаконные задержания, пытки и прочие нарушения естественных прав человека, выделение цифровых прав не так значимо. Цифровые права влияют на людей опосредованно, они не угро-

³⁰ См.: Войниканис Е. А. Указ. соч. С. 86.

³¹ См.: CJUE, *arret Digital Rights Ltd.*, 8 avril 2014 // *Revue trimestrielle des droits de l'homme*, 2017, no. 111, 1 juillet.

²⁹ URL: <https://pravo.ru/news/204002/>.

жают напрямую их жизни и здоровью. Но нарастающее перемещение в виртуальную реальность возвращает к вопросу о важности виртуальных прав. Если государства становятся цифровыми, то и права их граждан — тоже цифровые.

Цифровые права — новое поколение прав человека или фикция? Если исходить из гипотезы, что цифровизация будет кардинально менять существующий мир, то все правовые институты также неминуемо претерпят изменения. Соответственно, права человека в цифровом мире будут трансформироваться. На наш взгляд, это неизбежно. Думается, что рассматривать в современных реалиях цифровые технологии лишь как средство реализации прав человека — вчерашний день. Мы рискуем затормозить общественное развитие, как это случилось с собственно информатизацией — административная реформа так долго не воспринимала качественные характеристики ИКТ, что растянулась на десятилетия, лишь спустя годы «соединившись» с политикой электронного правительства. Это сразу дало положительный рывок в организации государственных услуг. А тем временем параллельность процессов информатизации и административной реформы привели к бесполезным тратам государственных средств, созданию изолированных ГИС в рамках соседних ведомств, не говоря уже о моральных издержках в виде разочарования граждан в бесконечных и дорогостоящих реформах.

Итак, вопрос, по нашему мнению, лишь в том, как и насколько будет меняться система прав человека. Можно предвидеть как минимум два сценария.

Сценарий 1. Исходим из позиции ООН, согласно которой люди должны иметь те же права онлайн, что и офлайн. Все права человека обретают свое зеркальное (т. е. виртуальное) отражение. Например, праву на равенство соответствует

право на цифровое равенство. Государства все еще озабочены проблемой устранения цифрового неравенства, что в общем-то является первым этапом обеспечения цифрового равенства. Происходит это в основном в контексте государственных услуг и доступа к публичной информации. По сути, право на доступ к Интернету (в случае его окончательного признания) решает эту проблему и устанавливает право на цифровое равенство со всем полагающимся механизмом его обеспечения (в том числе судебным).

Можно предвидеть и негативные стороны данного сценария. Право на защиту персональных данных более или менее адаптировалось к Интернету. Однако масштабная работа с большими данными способна подорвать сложившуюся систему защиты персональных данных. В литературе признается, что процедура дачи согласия на каждую обработку персональных данных практически бесполезна, и проблему нужно решать с другой стороны — обязательств государства и обеспечения транспарентности деятельности по сбору данных³².

Сценарий 2. Кардинальное преобразование. Если цифровые технологии действительно трансформируют общественные отношения радикальным образом, качественно, то должны возникнуть не просто зеркальные, а совершенно новые права человека. Например, право на услуги переводчика при дальнейшем развитии технологий может отмереть (представим лишь, что у каждого человека будут технические средства, в том числе «вживленные», для перевода или даже понимания любого языка). А если предположить реализуемость сценария Дж. Оруэлла и

³² См.: Norodom A. T. Secret d'État et secret de l'individu en droit international public: la protection du droit au respect de la vie privée à l'ère numérique // NTIC, secret et droits fondamentaux. Sous la dir. de C. Blaizot-Hazard. Paris, 2017. Pp. 90—91.

возможность чтения мыслей, возведенную в ранг государственной политики? Что тогда случится с правом на свободу мысли и убеждений? Свобода собраний может полностью переключаться на интернет-платформы (что, собственно, уже происходит). Секс-роботы на основе искусственного интеллекта поставят под угрозу семейные права и институт брака. Активное использование интернета вещей способно оголить человека, вскрыв все его привычки и пристрастия так, что никакой частной жизни не останется, а это делает ее защиту (во всяком случае известными на настоящий момент средствами) бессмысленной.

Безотносительно к этим сценариям можно предвидеть изменения в виде возникновения «обозримых» прав человека, соответствующих нынешнему уровню технологий (право на цифровую смерть), и перспективных (право на защиту от роботов или право на цифровое бессмертие). Обобщим нашу позицию выделением трех стадий развития прав человека в Интернете: 1) Интернет рассматривается как средство, как элемент известных прав человека (Интернет вплетен в права человека и является средством их реализации (нарушения)); 2) Интернет как отражение известных прав человека (два режима прав человека — офлайн и онлайн); 3) Интернет как основа преобразования прав человека: возникают новые права, а существующие изменяются.

Сказанное позволяет констатировать, что в правовой оборот проникает новое понятие — цифровые права. Пути формирования цифровых прав разные, от аналогии с классическими правами до своеобразного микширования. Так, правом на анонимность раньше пользовались творческие лица, создающие некий продукт для публичного показа (использования). Интернет «подарил» право на анонимность всем, даже далеко не творческим личностям. Защита от клеветы, диффа-

мация в Интернете создали особую комбинацию и новое право — на забвение. В числе цифровых прав в литературе называют также право на безопасное использование Интернета, право на виртуальную личность, право на использование шифрования³³. И это далеко не полный перечень. Ясно одно: накапливаемая эмпирика готовит нас к новым подходам в систематике.

Система прав человека 3.0. В настоящее время уже предлагаются различные систематизации прав человека в Интернете³⁴. Усложнение «наступает» с двух сторон: во-первых, сами по себе права человека размножаются, толкуются ЕСПЧ расширительно и проч., а во-вторых, накладываясь на эти условия, Интернет лишь добавляет запутанности и высвечивает новые нюансы. Если отталкиваться от сложившейся классификации прав человека на личные, политические, социально-экономические и культурные, то можно утверждать, что Интернет повлиял на все. И если пока цифровые права как бы сопровождают традиционные, отвечая на них, то в будущем ситуация может поменяться. Развитие технологий может реформатировать всю систему прав человека. Возникнет система прав человека 3.0.

На чем основано наше предположение? Сегодня в мировой юридической науке ведется дискуссия о создании мирового (всемирного, универсального) суда по правам человека³⁵. Одновременно обсуждается концепция развития технологий Web 3.0, которая будет не просто мировой сетью данных, где поиск осу-

³³ См.: Левова И., Шуклин Г., Винник Д. Указ. соч. С. 41, 48.

³⁴ Там же. С. 57—58.

³⁵ См.: Tigroudja H. La création d'une Cour mondiale des droits de l'homme est-elle contre victima? Libres propos introductifs // Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir. Sous la dir. de O. De Frouville. Paris, 2018. P. 163—174.

ществляется по слову. Поиск будет осуществляться по слову, значение которого понимается программой, что означает интеллектуальную обработку данных. То есть крупницы разрозненной информации можно собрать воедино с заранее заданной целью (коммерческой, например)³⁶.

Если несколько преобразить призыв строить ООН 3.0 защиты прав человека, высказанный в более глобальном и «нецифровом» аспекте³⁷, можно говорить о системе прав человека 3.0 в цифровую эпоху.

Создание этой системы не лишено опасностей и рисков, в том числе правовых. Позитивной тенденцией можно считать расширение прав человека в Интернете, поскольку традиционные права «обогащаются» за счет возможностей их реализации в Интернете: это право и на здоровье, и на образование и т. д. К числу негативных тенденций, которые усиливает Интернет, отнесем рост цензуры (например, контроль за выражением мнения в виде лайков), расширение сбора персональных данных, масштабам которого уже не отвечает сложившаяся система контроля. Для нейтрализации этих негативных тенденций необходима работа по обеспечению пропорциональности между основными правами в Интернете, что уже получило отдающее безнадёжностью название “unworkable formulae”³⁸, по поиску и

обеспечению баланса между защитой прав человека и кибербезопасностью государства. Процедурные аспекты защиты прав в Интернете связаны с проблемой территориальности: где и против кого совершено нарушение, какое государство компетентно рассматривать спор и привлекать к ответственности.

Может вообще случиться так, что устоявшиеся принципы и понятия не впишутся в систему прав человека в эпоху Интернета 3.0. Что тогда? В таком случае система прав человека переформируется и возникнут новые принципы, уже predetermined Интернетом.

Пожалуй, именно в системе прав человека в эпоху Интернета как никогда остро проявляется давно известный конфликт публичного и частного права — между открытостью и закрытостью информации, публично-правовой транспарентностью и правом на забвение. Получается, без решения старых проблем не получится разобраться с новыми: если инструментарии публичного и частного права не используются корректно применительно к отношениям без Интернета, вряд ли стоит ожидать чуда в тех же отношениях с участием Интернета.

Правовой анализ зачастую грешит излишней нейтральностью, не учитывающей реальные социально-политические процессы. Существует масса исследований о возможных рисках цифровизации, ведущей к установлению тотального контроля, неуправляемости искусственного интеллекта и проч. Безусловно, все эти риски присутствуют, как и чисто технический риск перебоя в энергоснабжении. Технология — политически нейтральна, но результат ее применения полностью зависит от того, в каких целях и на какой основе это происходит. Диктатура в цифровых условиях приведет к государству тотального цифрового контроля, либеральный режим будет проводить цифровизацию, стремясь учиты-

³⁶ См.: Pailler L. Les réseaux sociaux sur internet et le droit au respect de la vie privée. Paris, 2012. P. 192.

³⁷ См.: Bernard A. A l'heure du changement d'ère: pour une ONU 3.0 // Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir. Sous la dir. de O. De Frouville. Paris, 2018. P. 282.

³⁸ См.: Fontanelli F. The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-related Disputes // The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe / ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York, 2016. P. 101.

вать интересы личности и традиционные права человека. Иными словами, цифровизация в области прав человека способна дать одинаковый эффект лишь для тех государств,

которые эти права признавали и в доцифровом мире. А это значит, что нерешенные проблемы классического права переключаются в право цифровое.

Библиографический список

Bernard A. A l'heure du changement d'ère: pour une ONU 3.0 // Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir. Sous la dir. de O. De Frouville. Paris, 2018.

Cerf V. G. Internet Access Is Not a Human Right // The New York Times, 4 January 2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html>.

CJUE, arrêt Digital Rights Ltd., 8 avril 2014 // Revue trimestrielle des droits de l'homme, 2017, no. 111, 1 juillet.

Fontanelli F. The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes // The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe / ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York, 2016.

Norodom A. T. Secret d'État et secret de l'individu en droit international public: la protection du droit au respect de la vie privée à l'ère numérique // NTIC, secret et droits fondamentaux. Sous la dir. de C. Blaizot-Hazard. Paris, 2017.

Pailler L. Les réseaux sociaux sur internet et le droit au respect de la vie privée. Paris, 2012.

Tigroudja H. La création d'une Cour mondiale des droits de l'homme est-elle contre victima? Libres propos introductifs // Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir. Sous la dir. de O. De Frouville. Paris, 2018.

Weaver R. Transparency, Privacy and the Snowden Affair // Transparency in the Open Government Era / ed. by I. Bouhadana, W. Gilles, R. Weaver. Paris, 2015.

Арановский К. В., Князев С. Д., Хохлов Е. Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.

Войниканис Е. А. Право быть забытым: правовое регулирование и его теоретическое осмысление // Правоведение. 2016. № 3.

Левава И., Шуклин Г., Винник Д. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика. М., 2013.

Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4.

Шатилина А. С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1.

References

Aranovskiy K. V., Knyazev S. D., Khokhlov Ye. B. O pravakh cheloveka i sotsialnykh pravakh [On human rights and social rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 61—91.

Bernard A. A l'heure du changement d'ère: pour une ONU 3.0. *Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir*. Sous la dir. de O. De Frouville. Paris, 2018.

Cerf V. G. Internet Access Is Not a Human Right. *The New York Times*, 4 January 2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html>.

CJUE, arrêt Digital Rights Ltd., 8 avril 2014. *Revue trimestrielle des droits de l'homme*, 2017, no. 111, 1 juillet.

Fontanelli F. The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes. *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe*. Ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York, 2016.

Khusnutdinov A. I. Pravo na dostup v Internet — novoe pravo cheloveka? [Is the right to access the Internet a new human right?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 109—123.

Levova I., Shuklin G., Vinnik D. Prava Internet-polzovateley: Rossiya i mir, teoriya i praktika [Rights of Internet users: Russia and world, theory and practice. Analytical report]. Moscow, 2013. 144 p.

Norodom A. T. Secret d'État et secret de l'individu en droit international public: la protection du droit au respect de la vie privée à l'ère numérique. *NTIC, secret et droits fondamentaux*. Sous la dir. de C. Blaizot-Hazard. Paris, 2017.

Shatilina A. S. Prava cheloveka v Internete: problema priznaniya prava na dostup k Internetu [Human rights on the Internet: problem of recognition of the right to Internet access]. *Pretsedenty Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka*, 2018, no. 1, pp. 38—46.

Pailler L. Les réseaux sociaux sur internet et le droit au respect de la vie privée. Paris, 2012.

Tigroudja H. La création d'une Cour mondiale des droits de l'homme est-elle contre victima? *Libres propos introductifs. Le système de protection des droits de l'homme des Nations Unies: présent et avenir*. Ed. by O. De Frouville. Paris, 2018.

Voynikanis Ye. A. Pravo byt zabytym: pravovoe regulirovanie i ego teoreticheskoe osmyslenie [The right to be forgotten: actual regulation and its theoretical reflection]. *Pravovedenie*, 2016, no. 3, pp. 70—89.

Weaver R. Transparency, Privacy and the Snowden Affair. *Transparency in the Open Government Era*. Ed. by I. Bouhadana, W. Gilles, R. Weaver. Paris, 2015.